

ТИХО НА ЗВАНСКИХ ОКРЕСТНЫХ ХОЛМАХ...
(Г. Р. Державин в Петрозаводске)

Марат ТАРАСОВ

ДЕРЖАВИН В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Уже домой отосланные сани,
скрипя по снегу, юркнули во тьму...
На канцелярском кожаном диване
не спится захворавшему ему.
Да сна и нет... Черты иконных ликов
мерещатся, к мольбам людей глухи...
И, писаря дежурного покликав,
стал диктовать железные стихи,
но вскоре встал и, позабыв о хвори,
по полу шаркал, тяжело дыша,
шаги его звучали в коридоре
и глохли в мгле пустого этажа.
В подсвечниках помаргивали свечки
на зелени настольного сукна,
четыре шага от окна до печки
и столько же обратно до окна.
А в памяти сменялись то и дело
картины заседания суда,
где за пустяк крестьянина-карела
упечь в острог готовы на года.
Пожалуй, было б более уместно,
чтоб научиться правый суд творить,
при всех на председательское место
огромного медведя посадить.
В приказы ли заглянешь – вор на воре
и взяточников тьма, хоть пруд пруди,
повсюду склоки. Подлецы в фаворе,
сам станешь подлецом, того гляди!
С разбором жалоб вечно проволочки,
быть самому повсюду – свыше сил...
А писарь, перечитывая строчки,
от их крамольства в ужас приходил.
И что на белом свете ни творится:
его превосходительство – и вдруг...
Да за такую блажь императрица
сгноит в тюрьме, не выпустит из рук.
Все реже, сотрясая помещенье,
слова его пронзали тишину,
вдруг, овладев собою на мгновенье,
он замолчал и подошел к окну.
И через площадь, словно жертве рады,
с звериным поворотом головы
голодные в него вперили взгляды,

разинув пасти, бронзовые львы.
И в страхе перед будущими днями
в сугробы снега впаянный, как в воск,
мерцал подслеповатыми огнями
за окнами ночной Петрозаводск.
Преодолев болезненную дрему
и писаря опять растормошив,
шагнул к столу. И разнеслось по дому
раскатистое, гневное: «Пиши!»

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ДЕРЖАВИН В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

«Два льва крыльцо мне сторожат,
на тощих пуделей похожи.
У губернаторских палат
стоять заморышам негоже.
Прыжок на кость в один присест?
Грызня собачья из-за снеди?
Нет, для присутственных сих мест
пристойней были бы медведи!

Князьям олонецких чашоб,
столь отдаленных от столицы,
приличней было б, морща лоб,
блюсти закон императрицы.
Они сумеют шкуру снять,
сослать строптивца в колымаге,
прихлопнуть лапою печать
на государственной бумаге.

А мне ты долг иной назначь –
от губернаторства подале.
Уж лучше буду петь Кивач,
как я – бушующий в опале.

Не посрамлю и здесь пера,
подняв в веках витийства пламя:
«Алмазна сыплется гора
с высот четырехя скалами.
Жемчугу бездна и сребра»
ревет, гремит по скалам взрытым, –
зане зрю много в ней добра
порфиросцам и пиитам!»

.....
Б-ка поэта, Л.отд., 1985

Державин славен и крылат!
А где ж мой образ мыслеемкий,
как говорят, видеоряд?

...Здесь прототип духовной мощи,
стихии прорвы здесь таят
истоки верований общих:
представьте кучку дикарей,
всепоглощающую бездну
(ну что ж, домысливай скорей),
их страх, восторг бесполезный,
в чем есть предтечи а л т а р е й –
они в святилищах иных,
в молитвах, плачах, осознаниях
сокрытых тайн и заклинаниях,
и ликованиях земных!

Для человеческой породы
за двухтысячелетний срок
остался, как и прежде, Бог
насущен, прочен и глубок.
...А лик природы перетек
в великолепный образ оды.

Автор поэтической подборки В. Судаков